

Гоар Маркосян-Каспер

Каспер Калле

Смерть прототипа

Гоар Маркосян-Каспер

Смерть прототипа

«Автор»

2026

Маркосян-Каспер Г. К.

Смерть прототипа / Г. К. Маркосян-Каспер — «Автор», 2026

У писателей сложные отношения с прототипами – те, узнав себя на страницах романа, нередко обижаются, перестают общаться. Проходят годы, и вдруг жизнь снова сводит этих людей. А если не сводит? В таком случае последнее слово остается за смертью. Калев Кару узнает из газеты, что один из его прототипов, человек отнюдь не пожилой – моложе, чем он сам, - умер. Очень скоро выясняется, что и не умер вовсе, а убит.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Гоар Маркосян-Каспер, Каспер Калле

Смерть прототипа

Часть первая

Завтрак проходил, как обычно: Калев мгновенно проглотил свою порцию геркулеса с изюмом, за ней – бутерброд с колбасой, тост с сыром и полпачки творога со сметаной и тертой клубникой, хранимые в холодильнике запасы которой аккуратно возобновлялись в каждом июне, отпил глоточек кофе, еще слишком горячего, чтобы залпом осушить кружку, и встал.

– Пойду за газетой.

И, не дождавшись поощрения, задержавшегося не столь от бессмысленности, сколь от хорошего воспитания – кто же разговаривает с набитым ртом – отправился за оной, а Диана с грустью подумала, что раньше супруг в адекватной ситуации выражался иначе: «Пойду за почтой», имея в виду, прежде всего, письма. Но писем они не получали давно, то есть, получали, но не материальные, а... космические, что ли, раз переправлены через космос... Даже конверты со счетами в почтовом ящике обнаруживались все реже.

Рацион у супругов был одинаков, но темп его уничтожения отличался, и Диана только-только добралась до аппетитного, золотистого тоста, накрытого, увы, безвкусным эстонским сыром нового времени (а раньше были такими сухими, твердыми!), как Калев снова уселся напротив нее.

И все было как всегда: нарядно накрытый стол, темно-синие стеклянные кружки, гармонирующие и с люстрой тех же тонов, и с занавесками, и муж, сейчас, без очков, может, не с таким умным видом, но из-за этого не менее любимый.

Интересных новостей в газете как будто не было, Калев равнодушно перелистывал страницу за страницей, и только когда дошел до предпоследней, остановился.

– Надо же, прототип умер!

– Который из них?

Диана вылизала ложку с остатками клубники, и стала вся внимание: прототипы – это важно, они – часть жизни писателя. Обычно они обижаются, перестают общаться, но иногда, оказывается, и умирают.

– Такого персонажа, как Фердинанд, не помнишь?

– Из «Идеалистов», что ли?

– Да.

Диана задумалась.

– Смутно. Это тот, который поклялся очистить святую эстонскую землю от следов русских сапог, сапожек и туфелек?

– Он самый. В жизни – Роберт Роосте. Нержавейка, как его звали¹.

Диана хихикнула, и сразу устыдилась – человек ведь умер...

– С ним еще случился потом какой-то скандал, не так ли? – вспомнила она.

– Ну да, его избрали в парламент, он продержался почти два срока, и вдруг обнаружилось, что у него, кроме законной жены – эстонки, имеется русская наложница. Последние его два ребенка родились в один и тот же день – но двойняшками они не были.

– И как это всплыло?

– Чуть ли не из моря. Он отправился вместе с русской на...

– Вспомнила! На какой-то греческий остров!

¹ Роосте – ржавчина (эст.)

- На Санторин.
 - И там напился вдрызг и стал к ней публично приставать.
 - Не к ней, а к какой-то англичанке. Или шведке. И даже не к одной, а к двум.
 - Англичанкам?
 - Или шведкам. Те плавали в бассейне, он тоже нырнул, причем в одежде, и начал их тискать. Правда, те вроде не очень возражали. А вот русской это не понравилось.
 - И она, кажется, плеснула ему коктейлем в лицо.
 - И кофе. И не только в лицо, но и в другие части обнаженной плоти, костюм ему все-таки мешал, и он исполнил стриптиз в воде. А еще он укусил одну из шведок...
 - Или англичанок.
 - Нет, кажется, все-таки шведок. В бедро. Ему не повезло, может, и обошлось бы, мало ли, что за привычки у северных варваров, но там оказался финский журналист, тот нащелкал кучу фотографий, и опубликовал улов в родной газете. Дескать, вот как развлекаются эстонские парламентарии... Наши сперва пытались замять дело, как-никак, борец за свободу, пострадал от советской власти, но узнала жена – эстонская жена – и сама выложила всю подноготную желтой прессе.
 - И его вытурили из Госсобрания?
 - Что ты! Кто же за такую мелочь вытюривает. Но политическая карьера на этом все же закончилась. Из фракции выкинули. Из партии вышел сам. Отсидел формально до конца срока, на сессии почти не ходил, и все.
 - Больше не баллотировался?
 - Нет. У нас не Франция, народ не понял бы.
 - Да, – хмыкнула Диана, – горячий эстонский парень. – И чем он после этого занимался?
 - Понятия не имею, – бросил Калев, и решительно встал, намекая, что нечего отнимать его драгоценное время – хотя рассказал обо всем вполне добровольно и даже вроде бы с удовольствием.
 - Пойду работать, только посуду помою.
- Диана вскочила и начала быстро-быстро убирать со стола. Процесс мытья посуды за годы супружества был отшлифован до совершенства: она поставляла грязные тарелки, а Калев, лихо натерев их губкой, совал затем под струю воды, настолько сильную, что брызги разлетались по всей кухне, а иные достигали потолка.
- Воткнув последнюю тарелку в сушилку, муж вытер руки – но не поверхность вокруг раковины и пол, это оставалось Диане – и удалился в спальню, где сразу загудел компьютер, а Диана достала тряпку.
- Завершив уборку, она вернулась в гостиную, включила компьютер, и, пока тот пыхтел и кряхтел, в свою очередь полистала газету в поиске рекламы о скидках. Дойдя до предпоследней страницы, она, как до этого Калев, остановилась, затем встала и, с газетой в руке, отправилась в прихожую.
- Калев, ты еще не работаешь? – приоткрыв дверь в спальню, осторожно спросила она.
 - Нет, а что?
- Голос мужа был резким, но Диана решила сей факт игнорировать.
- Ты обратил внимание, что ни на одном объявлении нет даты?
 - Какой даты?
 - Смерти прототипа.
 - Ты уверена?
- Диана ловко нырнула в спальню, и торжественно вручила супругу газету, открытую все на той же предпоследней странице.
- Верно, нет. И что?

– Может, его убили? А труп обнаружили только сейчас, и не смогли установить, когда он умер.

Калев равнодушно вернул газету Диане.

– Скорее всего, о его смерти никто не знал. И только недели через две какой-то сосед учуял запах...

– Думаешь, он жил один?

– А ты думаешь, после всех этих историй кто-то еще хотел делить с ним кров?

– Но у него же были дети?

– И что? Если бы тебя не было, думаешь, Юри следил бы за тем, жив я или мертв?

От такой жуткой перспективы Диане стало дурно. Однако, она решила проявить настойчивость.

– Почему ты так уверен в том, что его не убили?

На что Калев ответил словами из известного анекдота:

– А кому он нужен?

И снова уткнулся носом в монитор.

Однако, на сей раз права оказалась Диана, Калев признался ей в этом сам, возникнув тем же вечером на пороге гостиной, в которой Диана при свете настольной лампы, записывала за компьютером очередной оперный диск. Скромно дождавшись, пока она обратит на него внимание, он произнес голосом, которым поздравляют победителей:

– Твоя взяла.

Диана не сразу поняла, о чем речь.

– В каком смысле?

– Кажется, прототип действительно убит.

– А почему «кажется»?

– Ну, я точно еще не знаю. Но поскольку позвонил Андрес и сказал, что хочет со мной поговорить относительно Роосте...

– То ты сделал вывод, что...

Она недоговорила, так как раздался звонок домофона.

– Это что, он? – с испугом спросила Диана.

Но отвечать было некому, Калев уже отправился в прихожую.

И что теперь делать, засуетилась Диана? Накормить Андреса обедом? Подать чаю? А комната убрана? (Более-менее). Компьютер? (А, пусть работает без меня). Нос?

Она вскочила, включила верхний свет и подбежала к одному из двух красивых зеркал в деревянной резной раме, удачно купленных на распродаже.

Нос не блеснул.

И тут в дверях появился Андрес, как всегда, с портфелем из свиной кожи подмышкой.

– Я не вовремя? Ты работаешь?

Диана объяснила, что работает не она, работает компьютер, но что выключать его сейчас нельзя, диск испортится.

– Не помешает вам?

– Почему вам? А ты не собираешься принять участие в очередном расследовании?

Диана замялась.

– Ну, если вы мне доверяете...

Комиссар таллиннской уголовной полиции Андрес Кару, двоюродный брат Калева Кару, не раз приходил к супругам за советом, когда оказывался не в силах найти преступника сам. Собственно говоря, только по подобным поводам он и приходил, находясь в постоянном цейтноте, он даже на дни рождения супругов являлся с опозданием, а иногда и вовсе не являлся, только ограничивался поздравлениями по телефону.

От обеда Андрес отказался, но относительно чая высказался положительно. Заварка, приготовленная Калевом полчаса назад, остыть не успела, муж вскипятил воду для долива, скорее, для них самих, чем Андреса, предпочитавшего «чифир», а Диана принесла из кухни блюдо с испеченными лично ей сухариками – не такими, как продают в магазине, а... Впрочем, это трудно объяснить.

– Угощайся!

Подозрительно взглянув на блюдо, Андрес начал отбрыкиваться.

– Спасибо, я сыт.

– Да ты только попробуй! – вмешался Калев.

Андрес, со страдальческим видом, взял сухарик, откусил... Дальше все пошло по сценарию, апробированному на многих гостях: лицо Андреса просветлело, на нем появилась блаженная улыбка, он быстро проглотил сухарик и потянулся за следующим.

– Однако, вкуснятина. Как ты это делаешь?

– Секрет фирмы, – ответила довольная Диана.

Они уселись напротив родственника и молча наблюдали, как тот съел второй сухарик, третий, четвертый... На пятом Андрес остановился, улыбнулся сконфуженно и вытер салфеткой рот.

– Повезло тебе, однако, с женой.

Калев не стал комментировать очевидное.

– Мы тебя слушаем, – сказал он любезно.

Андрес откашлялся и сосредоточился.

– Ну, как я тебе по телефону сказал, меня интересует, что ты знаешь о Роберте Роосте. Вы ведь были знакомы?

– Были. А почему это тебя интересует?

– Он убит.

– Когда и где?

– Точной даты я назвать не могу, хотя приблизительные идеи имеются. Знаем, с какого числа о нем никто не слышал.

– С какого?

– С третьего декабря прошлого года. (Одиннадцать месяцев назад, зафиксировала Диана машинально). Где произошло убийство, тоже неизвестно, известно лишь, где нашли труп. Недалеко от Пярну, в болоте. Место дикое, опасное, надо хорошо его знать, чтобы не упасть, увязнуть, возможно, и утонуть. А хорошо его знают женщины, которые каждый год, осенью, собирают там клюкву. Они и обнаружили тело.

– А как вы его опознали?

– Ты знаешь, что такое жировок?

– Первый раз слышу, – признался Калев.

Диане слово показалось знакомым.

– Это такой налет, да? Который образовывается? Ну, на теле.

– Не на теле, а в теле. Жир и воск. Выглядит, почти как мумия. Если хотите, могу показать снимок.

– Не надо, – сказала Диана быстро. – Мы тебе доверяем.

– Опознать человека по нему особого труда не составляет, если знать, кого ты ищешь. А мы знали, он ведь числился без вести пропавшим.

– И что, почти год прошел, а вы его не искали? – удивился Калев.

– Искали. Много времени на это потратили. Все-таки известный человек. Но не нашли.

– А почему объявления не было?

– Близкие не захотели. Им, видите ли, не нравится публичность.

Подозрительно, подумала Диана, но Калев посчитал иначе:

– Ну да, после того, как им однажды перемыли все косточки...
– Вот-вот, – подтвердил Андрес.
– И кто эти близкие? – спросила Диана. – Жена-эстонка, наложница-русская?
– Ишь ты, как хорошо она осведомлена! – театрально удивился Андрес. – Успели обсудить?

Калев кивнул.

– Сегодня, когда увидели в газете объявление.

– Понятно, – протянул Андрес, и затем обратился к Диане. – Увы, твои данные устарели. С женой он вскоре после пресловутого скандала развелся, с любовницей, или, как выразился твой муж, наложницей, они тоже разошлись, чуть позже.

– Но он с ними разве не общался? Там же дети.

– С женой не общался, у них полный разрыв отношений, только алименты платил. Она живет в Тарту, в Таллине практически не бывает. А с русской, да, иногда встречался, когда та приезжала из Италии.

– Из Италии? – удивилась Диана.

– Да, она потом вышла замуж за итальянца.

– А в предполагаемые дни убийства тоже приезжала? – подал голос Калев.

– Нет. Была тем летом, и этим тоже.

– Проверяли?

Андрес даже обиделся.

– За кого ты нас принимаешь?

– А мотив у этих женщин был?

Андрес вздохнул.

– И да, и нет. Видишь ли, в чем дело. Роосте не повезло, он ровно год не дотянул до парламентской пенсии. Но после смерти его иждивенцы имеют право на пенсию потери кормильца.

– Разведенные жены тоже? – удивилась Диана.

– Они нет, но дети. Итого четыре ребенка, с женой – три, с любовницей – один. Кстати, все четверо – девочки. И вот они, вернее, трое из них, те, кто еще не совершеннолетние, имеют. Пенсия – тридцать процентов от парламентской зарплаты.

– Каждой по тридцать процентов? – Диана была потрясена.

– Каждой.

– И сколько она, эта парламентская зарплата?

– Около двух тысяч евро.

– То есть, каждой по семьсот?

– То есть.

– Ничего себе! Мне бы такие денюжки.

– И ты бы согласилась ради них выйти замуж за этого урода? – с укоризной в голосе произнес Калев.

– Нет, – ответила Диана кротко.

Но в душе у нее все клокотало – ну и страна! Старикам за квартиру нечем платить, а этот... Однако, тут же она обуздала себя. Она кто здесь? Гостя. Вот и сиди, и помалкивай.

– А как репрессированный он какие-то преференции имел? – спросил Калев.

– Имел, но это так, мелочь. Небольшое ежегодное пособие и право бесплатно посещать музеи.

Диана хихикнула.

– Сам он экспонат. Но когда его репрессировать успели? Ему что, сто лет?

– Калев имел в виду не сталинские репрессии, – пояснил Андрес.

– А что, есть и другие?

- Он же сидел. Как диссидент.
- Ах да! – вспомнила Диана. – Долго?
- Кажется, полгода. Началась перестройка, и всех быстро выпустили.
- А какого они возраста, эти девочки? – вернулся Калев к главной теме.
- Старшей двадцать пять, окончила университет, кстати, в Таллине, и осталась тут, к маме вернуться не пожелала.
- К отцу она ходила?
- Нечасто. Когда что-нибудь было нужно. Папа, у меня куртка изнасилась, хорошо бы купить новую, а зарплату я всю потратила. Не можешь?
- Помогал?
- Иногда помогал, иногда нет. Он-то сам нежирно жил. Питался надеждами на богатое пенсионное будущее.
- Чем он вообще занимался? Как-то я совсем потерял его из виду.
- После того, как его политическая карьера завершилась, он создал фонд репатриации. Калев, как раз собравшийся сделать глоток чаю, поперхнулся.
- От слов к делу. Большое учреждение?
- Маленькое, если не сказать крохотное: он сам и его приятель, одноклассник, бывший летчик.
- Но зарабатывали они хорошо?
- Он неплохо, летчик так себе. Но... – Андрес поднял указательный палец – Алименты!
- Скольким он платил? Со старшей ведь рассчитался?
- Да.
- А с остальными?
- С остальными не успел. Средней из трех, что от жены, сейчас двадцать один, она осталась в Тарту, студентка.
- Эта в столицу не захотела?
- Мамина дочка, как я понимаю. Изредка приезжала, ходила с сестрой в кино, на дискотеку, а вот с отцом встречалась редко, недолюбливала его, говорит, испортил маме жизнь. Она будет получать пенсию до окончания университета, то есть еще год.
- А чему она учится?
- По моей специальности.
- Кем хочет стать, адвокатом или прокурором?
- А вот этого я не спросил, не знал, что ты будешь интересоваться, – почесал Андрес затылок.
- Наверняка прокурором, – вставила Диана.
- Почему? – удивился Андрес.
- Элементарно, Ватсон. Раз она обвиняет отца, что тот загубил жизнь матери, значит, такая натура – прокурорская.
- Но маму же она защищает, – возразил Андрес.
- А это до поры до времени, – не сдалась Диана. – В какой-то момент и ее будет обвинять.
- В чем?
- Что загубила жизнь ей.
- Ладно, пошли дальше, – прервал Калев диспут о женской натуре.
- Андрес сразу сосредоточился.
- Третьей – семнадцать, как и той, кто в Италии. У них возраст в точности совпадает, может, слышали?
- Слышали, – обронил Калев.

– Если в университет не поступят, вскоре ничего не получат. Если поступят, получают. Но если честно, как-то не верится, что кто-то из дочерей ради денег пошел на такое страшное преступление.

– На парричиду, – сказал Калев.

– Что-что? – не понял Андрес.

– Парричида – по-итальянски отцеубийство. – пояснила Диана. – Как ты знаешь, мой муж изучает сей язык. Италия – наша духовная родина.

– Духовная родина? Это еще почему?

Но Калев не захотел объяснять очевидное.

– А та девочка, кто ненавидела отца, в те дни не посещала Таллин?

– Представь себе, посетила, коротко, на полторы сутки. Но с отцом не встречалась. К тому же, у нее нет машины. И силенок нет, чтобы нанести удар, способный отправить нашего Роосте на родину прародителей.

– Так вы даже причину смерти установили?

– Конечно. Стукнули по голове, череп вдребезги. В этом жировоске все сохраняется, он явно этого не учел.

– Он?

– Ну, или она, если мощная баба.

– Да, пожалуй, ты прав, разбить череп – это не для слабосильных. А та, что в Италии живет? Штангой, случайно, не занимается?

– Штангой? – поразила Диана. – Откуда у тебя такие мысли? Она же девочка.

– Сейчас девчонки чем только не занимаются, даже боксом. А, Андрес?

Андрес вздохнул.

– Ты меня ставишь в тупик. Чем она занимается, кроме школы, я не знаю. Не спрашивал. Разговаривал с ней по скайпу, на вид – хрупкая девица. Но, что главное, у нее как раз с отцом прекрасные отношения. Расплакалась при мне. Они перезванивались регулярно, он несколько раз специально летал в Рим, чтобы с ней встретиться.

– Так она в Риме живет?

– Не совсем, но недалеко.

– Значит, в Лацио, – решила Диана продемонстрировать свою осведомленность в географии духовной родины.

– Да, именно, – удивился Андрес. – В адресе так и значится.

– Тревогу подняла она? – спросил Калев.

– Нет, тревогу поднял сотрудник фонда. Они ходили на работу четыре дня в неделю, четверг был предоставлен для работы из дома. В среду они расстались, а в пятницу Роосте в контору не явился.

– А где их контора?

– Тут недалеко, на Маакри. На отсутствие босса сотрудник внимания не обратил. Бывало, тот попадал в цикл.

– Цикл чего? – не поняла Диана.

– Алкоголик, ну, – объяснил Калев.

– А, – произнесла Диана.

Надо же, сколько в мире вещей, о которых она не знает!

– В понедельник не было самого сотрудника, он ездил в Нарву провожать одного репатрианта.

– На самолете?

– Почему на самолете?

– Ты говоришь – летчик.

– Летчик он бывший, потерял работу после независимости, долго мыкался, пока Роосте не взял его к себе. Они одноклассники. Во вторник, когда Роосте опять не явился, он удивился, решил позвонить. Телефон был выключен. Тут он связался со старшей дочкой, они были знакомы. Та ничего не знала, сама была удивлена, вроде договаривались с отцом встретиться в конце недели, а тот вдруг пропал.

– Когда договаривались?

– В среду перед исчезновением.

– Она была последняя, с кем он разговаривал по телефону?

Андрес откашлялся.

– Не совсем.

– Что ты имеешь в виду?

Андрес посмотрел виновато в сторону Дианы – дескать, ничего не поделаешь, придется сказать.

– В четверг он звонил двум проституткам. У одной телефон был выключен, а другая поехала на будни домой, в Нарву. Роосте договорился встретиться с ней в субботу. Она ждала, но он так и не позвонил.

– То есть, это последний след?

– Да.

– Дочь не интересовалась, куда подевался отец?

– Она позвонила ему в понедельник, но телефон был выключен.

– Не посчитала это подозрительным?

– Она подумала то же самое, что и летчик.

– Что попал в цикл?

– Да. Но когда летчик связался с ней во вторник, оба разволновались, стали всех обзывать, дочь – родственников, летчик – знакомых. Она позвонила бабушке...

– Я все время хотел спросить, а родителей что, уже нет? – вмешался Калев.

– Отец умер давно, они были в разводе с матерью, а она, да, при полном здравии, ей восемьдесят пять, проживает в деревне, недалеко от Выру. Роосте ездил к ней довольно часто, примерно раз в месяц. Он – единственный сын. Звал в город, говорил, ты продашь хутор, я – квартиру, и поселимся вместе.

– Какой любящий сын! – удивилась Диана.

– А тут много таких, – бросил Калев. – С женами не ладят, плачутся в жилетку мамочке.

И что же она?

– Мать отказывалась. Не хотела в город. Привыкла.

– Да, для нее это удар, – посочувствовала Диана.

– Но она его выдержала с честью. Первым делом, заявила – понятно, что убили, и понятно, кто убил. Русские, в отместку за его деятельность.

– А вы этот вариант рассматривали?

Андрес вздохнул.

– Ну как ты его рассмотришь? Мы проработали тех, с которыми он сталкивался по фонду, ничего не нашли. Наоборот, те, кому он помог уехать, ему благодарны. Они все равно собирались вернуться на историческую родину, а тут кто-то еще и деньги предлагает. А дальше? Допросить всех, кто мог его ненавидеть или за слова, или за дела? То есть, двести тысяч человек? К тому же, тут есть нюанс. Все-таки это болото мало кто из неместных знает. Бросили бы где-то поближе.

– Хорошо, продолжай.

– Дочь знала, что у отца неплохие отношения с ее сводной сестрой, нашла в скайпе адрес, позвонила в Италию – а вдруг папа махнул туда? Там сразу паника, нет, здесь его нет, как, пропал, куда... Может, нам прилететь? Рита их успокоила...

– Так старшую Рита зовут?

– Да. Успокоила, говорит, давайте подождем немного, может, ничего и не случилось. В Тарту новость встретили холодно, жена выдвинула версию, что наверняка пьяный, у кого-то валяется, не может выйти...

– Из цикла? – вставила Диана.

– Выучила, – ухмыльнулся Андрес. – Ну да, из цикла. Но дело в том, что пил он обычно один.

– Почему? – удивилась Диана.

– А никто его в таком виде вытерпеть не мог. Он сразу начинал распространяться о том, как что из-за бездействия правительства, мы не можем освободиться от оккупантов. Всем надоело.

– Даже диссидентам?

– Представь себе, даже им.

– Вообще его и раньше, терпели с трудом, – объяснил Калев.

– Летчик обзвонил всех, кого знал, с диссидентами он знаком не был, но у них еще два одноклассника, с которыми Роосте время от времени встречался – те тоже ничего не знали. Один, финансист, видел Роосте за неделю до исчезновения, другой – профессиональный игрок в покер, за три дня. Игрок тоже живет в Ласнамяэ, за пару дней до исчезновения они оказались в одном автобусе, пообщались по дороге. Ничего подозрительного в поведении Роосте он не заметил.

– А что, Роосте обитал в Ласнамяэ? В логове врага?

– В самом конце, поближе к морю, однокомнатная квартира, у них с женой раньше была получше, он получил в подарок от первого правительства эпохи независимости трехкомнатную, тогда все это делалось еще по советскому образцу, но при разводе они разменяли, она получила трехкомнатную в Тарту, а Роосте – эту. Настоящая каморка или медвежья берлога, как хотите. Вот туда они и поехали вдвоем, дочь и летчик, у дочери были ключи, но одна она побоялась, попросила летчика сопровождать ее. Доехали, позвонили, никто не ответил. Открыли дверь, вошли – все в полном порядке, то есть, не в порядке, наоборот, чистоплотностью он не отличался, убирался редко, однако никаких видимых изменений они не обнаружили. Обычный беспорядок. Вышел человек погулять, и не вернулся.

– Вы потом обследовали квартиру?

– Конечно.

– Ничего не нашли?

– Нет.

– Кто-нибудь там был?

– Никаких следов.

– Компьютер посмотрели?

– Обижаешь!

– Ничего?

– Не-а.

– Хорошо. Дальше.

– Дальше кто, они или мы?

– Пока они.

– Они, на всякий случай, постучали к соседям – те ничего не знали. Сказали, что несколько дней не видели. Они не общались.

– Вообще? – поразились Диана.

– А ты с нашими соседями общаешься? – иронично спросил Калев.

– Нет. Но я же не эстонка.

– Они, скорее всего, тоже.

– Ты прав, они русские, – вмешался Андрес. – После того, как Роосте им как-то предложил помочь в деле репатриации, они перестали с ним здороваться.

– Да, ничего себе ситуация, – протянула Диана. – Может, они и уколошили его?

– Вряд ли. Старики. Еле двигаются.

– Ну, и что же дальше? – вернулся Калев к основной теме.

– После этого дочь с летчиком решили, что пора отправляться в полицию. Там им повезло, обычно с такими делами не очень спешат, вот когда ребенок пропадает, или молодая девушка, тогда да, но если мужик, да еще любитель выпить... Думают, ничего, появится. Однако, они напали на дежурного, который знал Роосте, он состоял с ним в одной партии, и он поднял всех, даже мне доложил.

– Сколько шума, – обронила Диана.

– Все-таки известный человек.

– Скандально известный, я бы сказала.

– Скандально, но не только. Дважды депутат. Вот ребята и занялись сразу.

– Но ничего не нашли?

– Нет. Как сквозь землю провалился. Жена, которая в Тарту, через некоторое время сделала попытку признать его без вести пропавшим, алименты скопились на его счету, и она не могла их получить, но столкнулась с юридическим препятствием.

– Каким?

– Чтобы признать без вести пропавшим, надо, чтобы год не было известий о местонахождении.

– Долгий срок.

– А ты подумай, люди сейчас без конца путешествуют. Взял, например, улетел в Камбоджу, а тут оставил все как есть. Через год возвращается, спрашивает – а вы, что, искали меня? Ну, извините, не знал, что моя личность вам так дорога.

– Может, он тоже улетел?

– В Камбоджу?

– Или в Таиланд. Слышал, там целая эстонская колония. Жизнь дешевая.

– Может, и улетел, но не из таллиннского аэропорта. И не из рижского или хельсинкского. И даже не из стокгольмского. И на корабль не садился. Единственно, мог уехать на автомобиле. Но у него не было автомобиля. И, спрашивается, к чему такая таинственность? Долгов у него не было, по крайней мере, никто о них не знает.

– Чтобы избавиться от алиментов, – предложила Диана.

– Избавиться от алиментов можно одним способом – работать за черный нал. Но он, кроме своего фонда, ни на кого не ишачил.

– Может, он выиграл в лотерею кругленькую сумму, в таких случаях люди иногда хотят начать новую жизнь.

– Проверяли, – вздохнул Андрес устало. – Значительные выигрыши выдаются только при предъявлении документа, и только банковским переводом, наличными они не оперируют. Мы изучили всех, кто за этот период сорвал куш, но ни Роосте, ни кого-либо из его круга друзей среди победителей не оказалось. Список показать?

И он потянулся за портфелем, который, как всегда, поставил на бельгийский ковер, рядом со своим стулом.

– Не надо, – сказала Диана быстро.

Калева интересовало другое.

– То есть, ему по сей день шла зарплата?

– Да, у фонда есть совет, он решил подождать с ликвидацией. У них имелись кое-какие средства, на зарплату хватило бы на год, вот они и назначили такой срок. Решили, если через год не объявится, прикрыть лавочку. Но он на месяц опередил их.

– А кто в этом совете?

– Три бывших диссидента, они же три члена Госсобрания.

Диана икнула.

– Высоко летают.

– А как иначе? Говорят, тот не политик, кто не сидел в тюрьме, – ухмыльнулся Андрес.

Компьютер зашумел, набрал скорость, словно реактивный самолет, а затем резко умолк. Секунду спустя послышался щелчок.

– Диск готов, – сказала Диана.

Она поднялась со стула, подошла к компьютеру, встала на корточки, вынула диск, закрыла дисковод, выпрямилась, выключила компьютер, вернулась и села на свое место.

– Итак, – произнес Калев решительно. – К чему вы, в итоге, пришли?

Ага, значит, осталось немного, подумала Диана. Сейчас Калев услышит, что обо всем этом думает Андрес, а затем сообщит ему, кто убийца.

Но все оказалось намного сложнее.

– Видишь ли, – начал Андрес осторожно. – Мы изучили все варианты, и пришли к выводу, что обычный мотив тут не подходит. Имущества у него, кроме этой квартиры, не было, даже машины, как я сказал, нет. На работу ездил на автобусе, изредка возвращался на такси. Банковский счет – нежирный, и ничего с него перед исчезновением не снято. То есть, вряд ли у него в кармане была солидная сумма.

– Бумажник пропал?

– Разумеется. И бумажник, и телефон.

– Тогда могли убить где-то поблизости от дома. Обыкновенный разбой.

Андрес вздохнул.

– Мы навели справки. Из профессионалов никто не замешан. Любитель – да, возможно, но он, думаю, оставил бы след. А следов нет.

– Любовник Роосте не имел?

– Нет.

– А куртизанки, о которых ты говорил? Они ведь последние, кому он звонил. С одной даже разговаривал.

Андрес покачал головой.

– Все проверили. Нет, тут дело в другом. И вот почему я пришел к вам. Мы все-таки обнаружили мотив.

Он выдержал довольно длительную паузу.

– След ведет к диссидентам.

– Маловероятно, – возразил Калев без раздумий. – Это была дружная семья. Каста, я бы сказал.

– Но в этой семье ведь постоянно подозревали, что кто-то на них доносит, не так ли?

– Возможно, – ответил Калев осторожно. – Так хорошо я их не знал.

Он сделал паузу, но и Андрес не спешил продолжить. Наконец, Калев добавил:

– Я же один с ними не общался, только...

– Ну да, я помню ее...

Разговор приобрел загадочную форму... или содержание?... неважно, в любом случае, Диана перестала понимать, о чем речь, но вмешиваться, задавать вопросы тоже не хотела; потом разберется.

– Так вот, и та, через которую ты с ними общался, и еще два человека утверждают, что Роосте удалось выяснить, кто за ними шпионил. Он сам об этом говорил, причем незадолго до смерти. Имени не назвал, сказал, что практически уже знает, но хочет проверить. И если это дошло до ушей того, кто имелся в виду...

– И ты думаешь, что это – мотив?

В голосе Калева слышался откровенный скепсис.

– А почему нет?

– Чушь! Все это давно забытые дела, которые никого не интересуют.

– Не знаю, не знаю. Тебя, может, и не интересуют, а вот общественность...

– Общественности наплевать, она занята коррупционными скандалами.

– Но есть же такая вещь, как реноме? Все бывшие диссиденты во время перестройки прославились. И вдруг выясняется, что кто-то из них...

Калев вздохнул.

– Все равно не верю.

– Ради бога, не верь, но помочь обязан.

– Чем?

– Хочу, чтобы ты рассказал мне поподробнее об этой компании. О каждом.

Калев вздохнул еще раз.

– Это долгий разговор.

Андрес ухмыльнулся.

– А я не спешу.

И он наклонился и поднял с пола сакраментальный портфель.

Мирьям... Диана вспомнила это имя сразу, как только вошла в спальню. Она не хотела задерживаться в гостиной, чувствовала, что ее присутствие может помешать Калеву рассказать обо всем спокойно и объективно, да и, честно говоря, ее перестало интересовать это расследование. Она никогда не любила политические детективы, а тут просматривался именно такой. Подумаешь, стукач! Калев был прав – кого это сейчас, четверть века спустя, может интересовать? Разве что опять-таки в политических целях, скомпрометировать кого-то, лишить поддержки избирателей. Скучно, господа! Вот если бы мотивом служила корысть, или ревность, или ненависть...

Про Мирьям ей рассказал сам Калев. Был такой период в их жизни – и, наверное, не только их – между влюбленностью и бракосочетанием, когда стремятся друг о друге узнать... ну если не все, потому что все никто никогда не расскажет, то почти все, и не только узнать про другого, но и открыться самому, это неизбежно, иначе невозможно достичь взаимопонимания, вот и они... Калеву было больше, в чем исповедоваться, ей – меньше, но после завершения этого процесса они о жизни друг друга «до» были в курсе. Диана, помимо прочего, узнала, что после развода с матерью Юри у мужа был весьма страстный роман с какой-то кинокритикессой, которую звали Мирьям. Поведал Калев и о том, что у Мирьям была подруга, муж которой отсидел пять лет в тюрьме, тоже за критику, но не кино, а советской власти... хотя что такое советская власть, если не кино? Вообще политика как таковая напоминала Диане спектакль – спектакль дешевый, вульгарный, но хорошо оплачиваемый. Мирьям, после того, как мужа подруги «ни за что ни про что», как она считала (и, по мнению Дианы, считала правильно) уволокли куда-то далеко, то ли на Енисей, то ли на Обь, отношения с ней, как многие другие, не прекратила – ее саму характеризовала некая «диссидентская удаль», вот и оказался Калев втянутым в крамольные дела. Сам он никаких писем в ООН или еще куда-то не писал и не подписывал, а вот переводом кое-чего запрещенного занимался, ну и, разумеется, неплохо знал всю эту компанию, иначе как он мог написать «Идеалистов»...

Диана включила компьютер мужа, выходя из гостиной, она спросила на это разрешение, «чтобы немного поработать», что ей великодушно было позволено, но сейчас, сидя за монитором, она почувствовала, что как раз работать ей не хочется. Вот как прошлое может ворваться в твою жизнь! Нельзя сказать, что она ревновала к этой Мирьям, тоже давняя ведь история, Калев, она знала, с ней больше не встречался, скорее всего, и не думал о ней... ну, может, иногда бегло вспоминал, заметив знакомую фамилию под очередной рецензией... и все

равно Диане было неприятно. Как будто кто-то подбросил в чай с бергамотом ломтик лимона. Отдельно бергамот или лимон вполне освежают немного терпкий вкус чая, но вместе... Вот и они с Мирьям не должны существовать в сознании Калева одновременно.

Чтобы отвлечься, она начала размышлять над убийством этого олуха Роосте – ведь кто же иной, если не олух, может сделать из репатриации смысл своей жизни – и пришла к выводу, что наверняка Андрес ошибается, а Калев прав, и убийца кто-то совсем другой, например, тот самый летчик. В таких фондах, была Диана убеждена, всегда творится что-то подозрительное, они же не зарабатывают деньги, а получают их за свою якобы деятельность, и это сразу создает атмосферу авантюры – ну а где авантюра, там и преступление. Может, они там, например, брали «откат» с тех, кому помогали уехать? А потом не поделили. И с какой стати Андрес исключил из списка подозреваемых всех родственников, до последнего? Хорошо, в то, что молодая девушка может прикончить собственного отца, Диана не верила, разве, что тот какой-то урод, захотевший ее изнасиловать, но есть же и бывшая жена, и наложница? Оскорбленное чувство женского достоинства – Диана знала, что это такое. Наверняка эта жена-эстонка жутко ненавидела Роосте. Вот там бы и искал Андрес, не мотива – мотив налицо, а возможности осуществления задуманного! Или та русская, которая смылась в Италию? Может, там тоже не все чисто. Допустим, Роосте знал о ней что-то скверное, и шантажировал, грозил, что расскажет мужу? Или, если они тут встречались, то вполне могли и продолжить отношения – и вдруг, тем летом, он разорвал их. Еще одно оскорбленное женское сердце... В конечном счете, могли его убить и просто в пьяной драке...

Но это было уже совсем неинтересно, и Диана сосредоточилась на переводе, тем более, что достался он ей кошмарный – не дамский роман, а сплошная эротика. И кто это читает? Сама Диана даже «Лолиту» захлопнула на двадцатой странице, стошнило.

Диана так углубилась в смешение ног и рук, поцелуи и прочие излияния страстей, что не услышала, как Андрес ушел, только когда Калев осторожно открыл дверь в спальню, она вздрогнула.

– Ушел, что ли? Не попрощавшись?

– Не хотел мешать.

Диана бросила взгляд в угол монитора – туда, где цифры показывали время.

– Плохо. Надо было накормить его ужином.

– Я предложил, но он не захотел. Зато он съел все сухарики.

В голосе мужа, кроме гордости за кондитерское мастерство жены, послышалась и грусть, и Диана немедленно решила, что приготовит ему завтра новую выпечку.

О прототипе они больше не говорили, Диана лишь бегло спросила, не поведал ли Андрес чего-нибудь интересного, на что Калев только махнул рукой.

– А что там может быть интересного.

Наутро, помня о данном себе обещании, Диана сразу после завтрака вытащила масло, чтобы оно оттаяло, и именно в этот момент в спальне зазвонил телефон. С кем Калев разговаривал, она не услышала, но внутреннее чувство подсказывало – Андрес. Ее любопытство снова вспыхнуло – может, комиссар свернул на правильный путь? Она надеялась, что Калев, закончив разговор, придет и расскажет в чем там дело, однако на этот раз интуиция ее подвела, трубку положили, а муж не пришел. Ну что ж, нет, так нет, подумала она и пошла в ванную, чтобы замочить стирку. Возвращаясь оттуда, она встала у двери в спальню и наострила уши – в комнате было тихо-претихо. Она осторожно приоткрыла дверь – Калев сидел и мрачно смотрел на почерневший от бездействия монитор.

– Что-нибудь случилось?

Калев вздрогнул и схватился за мышку.

– Да нет, ничего. Андрес пригласил меня на похороны... ну, Роосте, а я отказался.

– Почему?

– Потому что не Мегрэ, – буркнул муж, и уставился на экран с таким важным видом, что даже посторонний понял бы – нельзя мешать, господин писатель работает.

И Диана ретировалась.

Но на прогулке Калев неожиданно заговорил. Погода, после нескольких дней ветра, дождя и дождя с ветром стояла... ну, замечательной таллинскую погоду не назовешь никогда, «терпимая» – самое точное слово: холодно, но сухо и почти штиль, и они, словно делая «запас» перед долгой и тоскливой зимой, совершили длинную вылазку, до самой Ратушной площади, и даже оттуда не повернули обратно, а отправились дальше, в сторону площади Свободы, ранее Победы, еще ранее, кажется, тоже Свободы. И вот на этом отрезке, пройдя мимо унылого здания Дома писателей, построенного после войны, когда разучились строить, Калев открыл рот.

– Не нравится мне вся эта история. По-моему, Андрес не там ищет. Я, конечно, знаю этих людей не очень близко, но, думаю, достаточно, чтобы создалось вполне определенное мнение, которое я, кстати, и выразил в романе.

Роман Диана помнила плохо, можно сказать, даже не читала, Калев написал его еще до того, как они поженились, правда, знакомы они уже были, и поскольку Диана не знала эстонский, то Калев ей перевел текст вслух, хотел узнать, что она скажет, одобрит или нет. Ну и конечно, когда слушаешь, не так хорошо запоминаешь...

– Это совсем другие люди, – продолжил Калев, – предельно честные, ну и, соответственно...

– Глупые?

– Не то что глупые, но, скажем так, ограниченные. У них была своя правда, они рассматривали через ее призму всю нашу жизнь, были убеждены, что они – единственные, кто знает, что к чему, и что только они на правильном пути, все остальные заблуждаются...

– Но ведь именно так и вышло?

– Ты насчет того, что рухнул СССР? Ну да... но не они же свергли эту власть, хоть сами и считали себя главными могильщиками. Они впали в эйфорию от того, что их идеалы осуществились, и не подумали о том, что каждый осуществленный идеал становится своей противоположностью.

– То есть, ты думаешь, что такие люди, идеалисты, как ты говоришь, не способны на убийство?

– Не только на убийство, а даже на доноительство.

Диана была поражена.

– По-моему, стукачи были в то время везде, как может быть, чтобы КГБ не внедрил к ним ни одного? – Она вспомнила. – Даже в твоём романе есть стукач!

– Ну да, есть, – признался Калев неохотно.

– А что, на самом деле, его не было, ты это выдумал?

– Нет, почему же, был.

– И ты знаешь, кто он?

– Знаю.

– А почему ты Андресу не сказал?

– Потому что в таком случае я должен был назвать его имя.

– А ты не хочешь?

– Не хочу.

– Понятно, – протянула Диана, хотя как раз понятно ничего и не было.

Некоторое время они шли молча, затем Калев продолжил:

– Это был очень талантливый человек, но с изъязном, они поймали его на этом, и заставили работать на них. Он из-за этого очень страдал, так страдал, что терпеть уже не мог, и однажды, подшофе, признался мне. Помню, это было для меня шоком. Он не просил меня

молчать, но я сам обещал себе, что не выдам его. Мало ли что с человеком может в жизни случиться.

– Но он... жив? – спросила Диана.

Калев покачал головой.

– Нет. Повесился.

Некоторое время они шли молча.

– Так что, видишь, не могу я сказать Андресу. Некрасиво выдавать человека, которого уже нет. *De mortuis...* К тому же, я не знаю, может, был еще кто-то. Когда началась перестройка, к ним примазалась куча подозрительных субъектов. Их я уже не знаю, да и знать не хочу. Возможно, среди них окажется и убийца. Так что пусть Андрес ищет...

– Пусть, – поддержала Диана мужа. – В конце концов, все равно прибежит к тебе...

– Это вы про меня? – слышался рядом знакомый голос.

Супруги остановились как вкопанные. Незаметно для себя, они дошли до площади Свободы-Победы, примерно к тому месту, где когда-то находилось кафе «Москва», которое, кажется, даже не переименовали, а в метре от них стоял ухмыляющийся Андрес.

– Решили все-таки прийти, или это случайно? – спросил он, кивнув в сторону площади, или, точнее, одного ее края, где, окруженная высокими деревьями, разместилась церковь Яани. Дверь в это безобразное, с точки зрения человека, чей глаз привык к творениям Брунеллески и Палладио, не говоря уже о Микеланджело, здание была открыта, и из нее как раз выносили гроб.

– Так это тут? – удивительно быстро среагировал Калев. – Я думал, на кладбище, в часовне, как обычно. Ты мне не сказал.

– А ты разве предоставил для этого возможность? Отрезал немедленно: «Я не Мегрэ».

– А что, я не прав?

После взаимной пикировки, братья умолкли, и обратили взгляды на похоронную процессию. Сама Диана уже глядела в ту сторону, пытаясь разобраться, кто есть кто. За гробом шли четверо: три девочки, наверняка дети от жены, и старуха, которая, сторбившись, ковыляла мелкими шажками – видимо мать Роосте. Ее поддерживала одна из девочек, постарше, настоящая дылда, хорошая вышла бы центровая для баскетбольной команды – по всей видимости, это и была та Рита, которую Андрес вчера упомянул. Другие девчушки были помоложе и поменьше; может, конечно, еще подрастут.

За этой четверкой пристроилась семья в составе матери, отца и девочки возраста старших классов, та рыдала вовсю. Неужто сожительница притащилась из Италии, вместе с супругом и дочерью, удивилась Диана? Пожалуй, так и было, ибо мужчина не напоминал ни эстонца, ни русского, был небольшого роста, уже немолодой, и, кажется, забыл дома шапку, или не догадался взять с собой, у них, небось, еще бабье лето, так что можно было разглядеть и цвет волос, черный с проседью, и вроде даже плешь. Жена итальянца, бывшая наложница Роосте, оказалась весьма представительной, в стиле современных, как их называют, топ-моделей – блондинка с длинными ножками и несуществующими бедрами, в общем, мечта южанина. Одетая она была в полушубок, кажется, из меха выдры, так далеко Диана не разглядела. И что такая фифа нашла в Роосте, поразила она? Наверно, хотела повыпендриваться перед подругами – вот, заарканила члена парламента, да еще русофоба.

На этом как будто парад родственников закончился, и пошел прочий народ, но Диана все еще думала о тех, главных – кто-то вроде отсутствовал, хотя должен был присутствовать. Конечно, жена! Вот это ненависть... Да, жаль, что Калев не хочет заменить Мегрэ, мог бы прийти к любопытным выводам.

– А этот высокий плечистый? – слышался рядом гнусавый голос Андреса.

И, в ответ голос любимого мужа.

– Лесник. Отсидел семь лет.

Диана, вслед за ними, тоже обратила взор на следующую группу скорбящих. Тут были одни мужчины, итого целых пятеро.

– Лесник, это прозвище? – спросила она.

– И прозвище, и профессия.

– А рядом с ним, тоже высокий, но худой?

– Кассир.

– Их, диссидентской кассы?

– Нет, настоящий. Он работал в спортивном зале спортобщества «Калев», продавал билеты на баскетбольные матчи чемпионата СССР. Говорил, что очень удобное место для связного.

– Значит, он был связным?

– Ну, или что-то в этом роде, я, во всяком случае, получал антисоветскую литературу от него, и ему же передавал переводы, которые для них делал.

– Так ты и переводами занимался? – вмешался Андрес.

– А что ты думаешь, разве я мог оставаться в стороне от такого важного дела, как свержение государства?

Диана хихикнула.

– Остальных троих ты, пожалуй, должен знать, – продолжил Калев.

– Ну да, знаю.

– А я не знаю! – запротестовала Диана.

– Это три профессиональных диссидента, постфактум три депутата Госсобрания. Все въехали туда на своем героическом прошлом. Тот, кто слева, отсидел дважды по пять лет в лагере и трижды по четыре на Вышгороде, другой рядом с ним, в центре, вообще двенадцать подряд.

– И там и там?

– Точно.

– Итого двадцать четыре.

– Ну, я, пожалуй, отсидел и больше.

– За компьютером? Разве?

– А ты посчитай и годы за пишущей машинкой.

– Тогда да. А третий, тот, высокий?

– Он всего лишь три года, да и в парламенте, кажется, один созыв. Он из них самый образованный. Биолог.

Все три депутата не отличались ни молодостью, ни физическими данными, и Диана их, как потенциальных убийц, забрала. Хотя, подумала она сразу, разве такие люди сами пачкают руки кровью? Нет, для них грязную работу выполняет киллер. Значит, все трое – под подозрением. Ну а Леснику сам Зевс велел кого-то прикончить, с таким-то богатырским телосложением. Как этот новый вид якобы спорта назывался? Кикбоксинг или боксингинг? Мог бы стать чемпионом.

Ее размышления прервал голос Андреса.

– А этот маленький, за ними?

– Инженер-строитель, погорел на честности, взял на хранение документы, которые сам не подписывал.

– Документы?

– Ну, всякие обращения. В ООН, ЕСПЧ и так далее.

– В УЕФА, – добавила Диана.

– И в ФИДЕ.

– Ладно, перестаньте шутить, – рассердился Андрес.

– Да какие тут шутки. Человек четыре года получил.

- А кто его под руку держит – жена? – осведомился Андрес.
- Жена.
- А другая особа, рядом с женой? – спросила Диана.
- А это Мирьям.

Голос мужа, как показалось Диане, слегка дрогнул. Неудивительно, подумала она, Мирьям, как она поняла, сыграла в жизни Калева важную роль. Первую жену мужа Диана знала, это была довольно скучная особа, «ошибка молодости», как говорят, надо же с кем-то трахаться, ну а от этого недалеко до беременности и бракосочетания, особенно, учитывая советские презервативы отвратительного качества. А Мирьям другое дело – яркая женщина, даже сейчас, когда молодой уже не назовешь. Короткая рыжая стрижка, пальто с эффектными широкими полами. Особенно Диане понравились сапоги – короткие, с вывернутыми голенищами, и тоже рыжие! У этой девицы... да какой девицы, наверно, почти ее возраста... вкус есть. И выглядит именно как девица. Хотя, если подойти поближе, наверняка вся в морщинах... Эстонки, как Диана давно обнаружила, не умеют следить за собой. Местные русские – да, но эстонки словно презирали кремы и прочие достижения косметики, по их мнению, все должно быть «натурально». Чушь! Диана была уверена, что это от ведущей позиции эстонок, позиции, выразимся научно, матриархата – зачем трудиться, если власть и так в их руках? Эстонский мужчина, поняла она давно – тряпка. Ну, кроме Калева, конечно. Вот и не мог Калев ни с кем поладить, пока не встретил ее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.